

Во второй заметке—*ῥωσδέλιον*—автор (против Рейске) толкует его, как латинское *rostellum* (уменьшительное от *rostrum*),—«край туники или порфиры императора». В третьей—*ταύρα*—автор приводит это слово в согласование с латинским *taurea* (*terga*), т. е. тамбуром или тимпаном, и указывает, как этот термин распространился и по Востоку, и по Западу.

Наконец, в четвертой—*πῶμα*—автор, читая это слово *πῶμα*, толкует его как *украшение, вышивка, лента*.

Выпуск 2-й

B. Granič в статье о некоторых вопросах церковного права («*Kirchenrechtliche Glossen zu den vom Kaiser Basileios II dem autokephalen Erzbisum von Achrída verliehenen Privilegien*», стр. 395—415) делает ряд замечаний о хозяйственной жизни Византии XI и XII вв.

I. L. la Monte («*John d'İbelin, the old lord of Beirut, 1177—1236*») дает интересную картину латинских государств в Палестине и на Кипре в эпоху Фридриха II.

W. Seston в статье о двух хронологических датах, имеющих в недавно найденной надписи из Паннонии на бронзовой доске («*Sur les deux dates de la table de privilèges de Brigetio*», стр. 477—485), указывает на новые данные отношений между Лицинием, Максимином и Константином и на чисто «наполеоновскую» тактику последнего в кампании 311—312 гг. Что касается резьбы на той же доске, сделанной другой рукой, то знак X может обозначить конец надписи, а не указание на «христианство» Константина уже в это время.

Ch. Saumagne («*Du rôle de l'«origo» et du «census» dans la formation du colonat romain*», стр. 487—581) дает обстоятельную статью о видах колоната и о взаимоотношениях между личностью человека и земельным участком, на котором он сидит. Автор, главным образом, опирается на кодекс Феодосия.

Cl. Backvis («*Quelques travaux recents sur les Bylines*», стр. 582—602) дает обзор новейших работ по русским былинам *André Mazou'a*, Юлиана Крыжановского и Траутмана, равно как и книги Висковатого о югославском эпосе, где любопытно, что оба югославских героя Владислав Варнейгук и Ян Собесский превращаются: первый—в венгерского Яна Гуниади, а второй—в московского царя.

С. Кондратьев

Античная эпиграфика в СССР за 20 лет (1917—1937)

Научная работа в области античной эпиграфики в СССР за 1917—1937 гг. состояла в издании надписей, находимых в местах древнегреческих колоний северного побережья Черного моря при археологических раскопках или совершенно случайно, и в критическом пересмотре текста и содержания уже изданных раньше надписей юга СССР. Не оставались без внимания и эпиграфические памятники, издававшиеся за это время в Западной Европе.

В 1917 г. проф. Е. М. Придик издал, после продолжительной подготовки, часть разработанного им материала по керамическим надписям, найденным на северном побережье Черного моря. Этот труд носит скромное название—«*Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Петрогр. 1917*». К изданию клейм приложены рисунки, 15 фототипических таблиц и 1 автотипическая таблица. В «Каталоге» Е. М. Придик описал хранящиеся в Эрмитаже клейма на родосских, фазосских и книдских амфорах, а также клейма с надписями островов Икоса и Пароса, ручки сосудов неизвестного происхождения и клейма на горлышках амфор, на черепицах и кирпичях. Далее следуют добавления к клеймам на родосских, фазосских и книдских амфорных ручках, на херсонесских ручках

и добавления к клеймам на горлышках амфор и на черепицах. К описанию клейм приложен указатель собственных имен, встречающихся в надписях, перечень родоских месяцев, знаков на ручках сосудов и на черепицах, а также список букв и монограмм, не помещенных на таблице XVI. Везде указываются место и время находки предмета, обстоятельства приобретения (насколько это оказывалось возможным), предшествующие издания надписи, номер инвентарной записи Эрмитажа и место хранения в Эрмитаже. Более 1500 клейм издано здесь впервые. Вследствие особенностей набора эпиграфического шрифта, а затем вследствие войны печатание «Каталога» продолжалось шесть лет. Он вышел в свет только в 1917 г.

При изучении клейм на ручках и горлышках сосудов в них можно найти данные не только для истории развития греческого алфавита и для истории греческих диалектов, но и для истории античного быта, для выяснения торговых, экономических и социальных отношений. Все эти вопросы тщательно разработаны в исследовании молодого ученого Б. Н. Гракова — «Древнегреческие керамические клейма с именами астиномов. Москва, 1929». Если каталог Е. М. Придика дает богатейший материал в области керамических клейм, то работа Б. Н. Гракова представляет научный анализ и освещение этого материала. В этой книге автор рассматривает одну из многочисленных групп клейм на ручках остродонных сосудов, ту группу, в которой находятся имена астиномов. Эти клейма часто встречаются на сосудах, находимых в местах древнегреческих колоний северного побережья Черного моря. На основании данных языка и эмблем, соединенных с именами магистратов, автор относит всю эту группу к Синопе, за исключением той части, где встречается дорический диалект. Это — клейма Херсонеса Таврического.

Формы алфавита, эмблемы и некоторые другие данные послужили Б. Н. Гракову основой для хронологической классификации изучаемых им клейм. Разработка хронологических вопросов, касающихся амфорных клейм, поставлена в этой работе так широко впервые. До последнего времени хронологические определения амфорных клейм с именами астиномов касались только целых групп, а не отдельных представительств той или другой группы. Попытки детальной хронологии немецкого ученого Ф. Блекмана и директора Керченского археологического музея В. В. Шкорпила (ум. в 1919 г.) ограничивались небольшим числом клейм и притом основывались не на тех данных, какие представляют самые клейма, а, главным образом, на стратиграфии раскопок и небольшом числе исторических сопоставлений.

Проследив имена астиномов и фабрикантов города Синопы, Б. Н. Граков приходит к выводу, что астиномы происходили исключительно из среды свободных граждан и местной аристократии, между тем как имена фабрикантов указывают на то, что значительная часть их происходила из среды вольноотпущенников и метеков. Интересно, что в этом отношении надписи, найденные на северном побережье Черного моря, представляют полное сходство с надписями родоскими.

В заключение Б. Н. Граков дает в общих чертах картину торговой и экономической жизни греков эллинистического периода, поскольку эта жизнь отразилась в керамических клеймах — «непосредственных свидетелях керамической промышленности древней Эллады».

К той же области относится статья Б. Н. Гракова — «Энглифические клейма на горлах некоторых эллинистических остродонных амфор»¹. Здесь автор рассматривает материал и типы амфор с энглифическими (вдавленными) клеймами, а также формы клейм, букв и изображений на остродонных амфорах, диалект, орфографию надписей и собственные имена. Эти имена Б. Н. Граков разделяет на две группы: имена магистратов и фабрикантов. В заключение автор рассматривает вопрос о содержании и назначении энглифических клейм. В приложении помещен список энглифических клейм, находящихся на амфорах московского Исторического музея.

¹ «Труды Археологического разряда Гос. Ист. музея». Вып. I, стр. 165—200.

Составленный Е. М. Придиком в 1928 г. список имен астиномов на амфорных и черепичных клеймах юга СССР является ценным справочным пособием при работе над керамическими текстами¹.

На археологических конференциях в Керчи (1926) и в Херсонесе (1927) античная эпиграфика была представлена в ряде докладов. На Керченской конференции директор Керченского музея Ю. Ю. Марти сделал доклад о некоторых надписях, поступивших в этот музей в 1917—1926 гг.:—об эпитафии амастрийца Илиодора, сына Илиева², и эпитафии пантикапейского гражданина Икатия. Эпитафия в честь Илиодора ярко рисует связь между Пантикапеей и малоазиатскими городами, установившуюся в эллинистическо-римском периоде вследствие развития торговых сношений Пантикапеи с Передней Азией. Ю. Ю. Марти представил также фрагмент пантикапейской надписи фиасотов и сообщил подробности о найденной в 1918 г. китэйской надписи, изданной в 1922 г. академиком В. В. Латышевым³.

Научный сотрудник Эрмитажа Е. Ч. Скржинская прочитала на Керченской конференции доклад о латинских надписях из генуэзских колоний в Крыму. Коснувшись в общих чертах вопроса о значении средневековой латинской эпиграфики и ее современного состояния, докладчица подробно остановилась на материале, алфавите и формулах генуэзских надписей и на их значении как источника для пополнения списков кафедральных консулов и для истории административной системы крымских колоний. Затем Е. Ч. Скржинская предложила новые чтения и новые объяснения важнейших надписей, найденных в крымских генуэзских колониях⁴.

Н. И. Новосадский выступил на Керченской конференции с докладом о надписях, содержащих акты боспорских фиасотов. Изложив историю открытия и научной разработки этих надписей, докладчик рассмотрел вопросы о том, какому культу были посвящены боспорские фиасы, каковы были цели и формы их организации и каков был социальный состав их членов. Н. И. Новосадский указал на то, что, кроме элементов древнегреческих и иудейских, в боспорских фиасах замечается еще большое влияние христианства. В заключение докладчик остановился на терминологии актов боспорских фиасотов и предложил новое объяснение некоторых встречающихся в них терминов⁵.

На археологической конференции, состоявшейся в Херсонесе в 1927 г., к области античной эпиграфики относился доклад Н. И. Новосадского—«Критические и экзегетические заметки к некоторым херсонесским надписям». Проследив в общих чертах наиболее важные явления из области международных отношений Херсонеса и его внутренней жизни, о которых говорят нам херсонесские надписи, докладчик подробно остановился на двух эпиграфических памятниках: на присяге херсонесцев (IPE, I², 401) и на постановлении херсонесцев в честь Аристана, сына Аттина, бывшего послом к Августу с поручением ходатайствовать о даровании Херсонесу политической «свободы» (IPE, I², 429).

В «присяге» херсонесцев докладчик предложил свое объяснение слова ΣΑΥΤΗΡ, смысл которого до настоящего времени остается спорным⁶. Критически рассмотрев

¹ SPAW. Phil.-Hist. Klasse, 1928, XXIV, 1—41.

² См. «Изв. Тавр. общ. истории, археологии и этнографии», I (58), 1927, 118 сл.; ИГАИМК, вып. 104, 1935 (1934), 78.

³ ИГАИМК, II, 1922, 84 сл.; ИГАИМК, вып. 104, 1935 (1934), 60 сл. См. также «Изв. Тавр. общ. истории, археологии и этнографии», II (59), 1928, 1—24; Ю. Ю. Марти—Городища Боспорского царства к югу от Керчи, Киммерник, Китэй, Акра (здесь приложен план Китэя).

⁴ Крымские генуэзские надписи изданы Е. Ч. Скржинской в книге: E. S k r ж и н с к а — Inscriptions latines des colonies genevoises en Crimée. Genova 1928.

⁵ Доклад Н. И. Новосадского «Боспорские фиасы» напечатан в «Трудах секции археологии РАНИОН», III, 1928, стр. 55—70.

⁶ См. С. А. Жебелев—Херсонесская присяга, ДАН, 1935, 929 сл.

высказанные по этому вопросу мнения, Н. И. Новосадский доказывает, что ΣΑΣΤΗΡ представляет ошибку резчика надписи, вместо ΜΑΣΤΗΡ. Находящаяся в начале этого слова Σ—это, по мнению докладчика, вырезанная в горизонтальном положении буква Μ. Что касается значения слова μαστῆρ, то по объяснению древних лексикографов, μαστῆρες были те магистраты, которые наблюдали за конфискацией имущества граждан, осужденных на изгнание из родины. В клятвенном обещании сохранить эту власть докладчик видит указание на междоусобную борьбу в Херсонесе, происшедшую незадолго до составления херсонесской присяги. Отражение этой борьбы докладчик отметил и в некоторых других местах этой надписи¹.

Что касается надписи в честь Аристона, сына Аттина, то Н. И. Новосадский не соглашается ни с мнением проф. Ф. Ф. Соколова, который в слове ἀποκαμόντα видел указание на смерть Аристона во время исполнения им обязанностей посла в Риме, ни с мнением немецкого ученого Брандеса, сделавшего из этой надписи тот вывод, что Аристон добился дарования Херсонесу политической «свободы». Докладчик, наоборот, полагает, что здесь ἀποκαμόντα выражает, в деликатной форме, указание на то, что Аристон не достиг успеха в Риме. Ἀποκαμόν явно противопоставляется в надписи слову ἐπιτετευχώς—«достигший успеха». Отсюда следует тот вывод, что в правление императора Августа, ко времени которого относится постановление херсонесцев в честь Аристона, Херсонес не пользовался правами civitatis liberae².

Надписи, находимые при археологических раскопках или случайно, публиковались в различных научных изданиях: в «Известиях Археологической комиссии» (ИАК), в «Известиях Государственной Академии истории материальной культуры» (ИГАИМК), в «Трудах Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук» (РАНИОН), в «Известиях» и «Докладах» Академии наук СССР (ИАИ и ДАН-В) и в других научных изданиях.

В «Известиях Археологической комиссии» за 1917 г., вып. 63, стр. 109—120, была помещена статья В. В. Шкорпила—«Новонайденные боспорские надписи». Здесь издано 13 надписей, открытых в Фанагории, в станице Таманской, в Керчи и ее окрестностях. Издано также несколько надписей неизвестного происхождения. Хотя опубликованные В. В. Шкорпилом надписи большей частью краткие, надгробные, но некоторые из них вносят новый материал для изучения боспорской ономотологии, этнологии и социального быта. Одна из этих надписей (№ 3) бросает свет на государственный быт Боспорского царства времен начала Римской империи, являясь свидетельством того, что в это время было необходимо возвести укрепления в Тамани для защиты от нападений «варваров».

В «Известиях Археологической комиссии» за 1918 г., вып. 65, стр. 9—26, В. В. Латышев в статье «Эпиграфические новости из Южной России» издал 11 надписей херсонесских и 6 надписей, найденных при раскопках Р. Х. Лепера в 1912—1914 гг. в Мангупе. К сожалению, большинство этих надписей—только незначительные обломки, содержание которых издателю не удалось восстановить. Наиболее крупным фрагментом является одна херсонесская надпись (№ 1), содержащая имена херсонесских магистратов, скрепивших своими печатями какой-то декрет. Эта надпись относится ко времени Римской империи.

В том же выпуске ИАК, стр. 79—84, помещена статья Э. Дилля—«Памятники древнегреческой магии». Здесь автор дает перечень тех магических наговоров, которые не вошли в сборник Одоляна (A. Audollent—Defixionum tabellae. Paris, 1904). Статья Э. Дилля является ценным дополнением к этому сборнику. В ней находятся, между прочим, магические заклятия из Ольвии и Пантикапеи.

¹ См. «Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 1927 года». Севастополь, 1927, стр. 33.

² См. «Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе», стр. 33 сл.

После закрытия в 1919 г. Археологической комиссии и учреждения Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) статьи по античной эпиграфике стали печататься в издаваемых этой Академией «Известиях». В первом же томе «Известий ГАИМК», 1921, 17—28, была помещена статья академика В. В. Латышева (ум. в 1921 г.)—«Заметки по греческой эпиграфике». В этой богатой содержанием статье Латышев дал факсимиле шести надписей из коллекции А. С. Уварова, находящихся теперь в московском Историческом музее. Эти надписи были изданы уже раньше в ИРЕ, I², 161, 383, 448, 669, 672 и 673, но снимки с них, основанные на копиях А. С. Уварова и Я. И. Смирнова, оказались неточными. При проверке надписей по новым копиям автору удалось сделать несколько значительных изменений в изданном раньше тексте. Например в надписи ИРЕ, I², 669, где прежде читалось [3αε]λεὺς Χωδ[αρζοε], теперь следует читать [ἸΑχῆ]λεὺς Χωδ[ίρζοε]. Таким образом, вместо имени неизвестного, а, может быть, и небывалого боспорского царя Ходарза является гражданин Ахилл, сын Ходарза.

В той же статье В. В. Латышев выступает с критикой восстановления и объяснения надписей ИРЕ, I², 672 и ИРЕ, I², 176, предложенных И. И. Толстым в его исследовании «Остров Белый и Таврика» (Петроград, 1918, стр. 41 и 82 сл.). В заключение автор дает более полное восстановление пантикапейской надписи, изданной в ИРЕ, II, 57.

В конце I тома ИГАИМК, стр. 379—380, изданы по рукописи В. В. Шкорпила две небольшие надгробные надписи с изображением погребального пира, поступившие в Керченский музей в 1918 г. По поводу одной из этих надписей,—надгробие Гедии, жены Калликла,—Шкорпил делает интересную заметку о том, что на боспорских памятниках с изображением погребального пира обыкновенно встречаются мужские имена, реже—мужские вместе с женскими и очень редко—одни женские имена. Таких памятников известно только четыре, включая сюда и надгробие Гедии. Здесь, повидимому, кроется какой-то обычай, но чем он был вызван?

В II томе ИГАИМК (1922) мы находим статью В. В. Латышева (уже посмертную), в которой он предлагает восстановление метрической надписи на могиле Левкия, сына Левкия, павшего в битве с «варварами». Эта надпись была найдена в 1913 г. «в степи между Керчью и Булганакон, над гробницей», и издана впервые В. В. Шкорпилем¹, но Шкорпилу не удалось восстановить ее начало. Далее В. В. Латышев дает «примерное» восстановление эпитафии на могиле детей боспорской гражданки Филении², исправляет изданную им раньше по неточной копии надпись времени Рескупорида VI о постройке башни (место нахождения ее не удалось с точностью определить; надпись, по словам продавца, была найдена «в юрте ст. Запорожской») и предлагает полное восстановление метрической эпитафии на могиле братьев Гастиса и Адиманта, открытой в Анапе и изданной в ИРЕ, II, 419.

Другая статья В. В. Латышева, помещенная в том же томе ИГАИМК, стр. 84—104, «Неизданные боспорские надписи», посвящена прежде всего изданию китэйской надписи, найденной в 1918 г. Надпись эта издана по транскрипции В. В. Шкорпила. Она представляет акт о посвящении «патридой китэйцев» богу «гремящему и внемлющему» храма с прилежавшим к нему домом и оградой. К изданию присоединен подробный комментарий. Кроме этого памятника, В. В. Латышев издал в той же статье три еще неопубликованные надписи из архива Керченского музея, копии с которых были сняты по его предположению, сотрудником Керченского музея К. Р. Бегичевым приблизительно в 1852/53 г. Это, во-первых, надгробная надпись на могиле «питомца муз» Смикра, который учил на перекрестках,—«конечно,—замечает Латышев,—не в узком, буквальном смысле этого слова, а вообще в публичных местах, подобно Сократу».

¹ ИАК, вып. 54, 1914, стр. 76 сл., № 7.

² Эта эпитафия была впервые издана Ю. Ю. Марти в ЗОО, XXVIII, 1910, протокол 71.

Далее следует надпись в память Полигнота, сына [Бойд]ромия, и двух его сыновей (III или начала II в. до н. э.) и небольшая мраморная колонка с именем Вастака, сына Морда (первой половины IV в. до н. э.). В конце статьи В. В. Латышева помещены две надписи боспорских фиасотов и 8 надгробных надписей из б. музея Д. Г. Бурылина в Иванове.

В V томе ИГАИМК, 1927, 409—411, А. И. Амиранашвили напечатала заметку «О греческой надписи из окрестностей Мухета»¹. Эта надпись находится теперь в Государственном музее Грузии в Тбилиси. Она датирована седьмым трибунатом Веспасиана и пятым трибунатом Тита (75 г. н. э.). В ней идет речь о постройке римлянами крепости для царя иберов Мифрадата, сына царя Фарасмана, и, как читалось до последнего времени, его сына Иамасда: *καὶ Ἰαμάσδοι τῶ[ι] οὐ[ι]*. Но А. И. Амиранашвили, на основании тщательного изучения оригинала, эстампажа и фотографического снимка с надписи, предлагает читать: *καὶ Ἰαμάσπῳ τῶ οὐ[ι]*, причем в слове *Ἰαμάσπῳ*, по мнению Амиранашвили, вырезана лишняя буква *ι* по ошибке резчика. Автор указывает, что упоминание об Амаспе или Амасапсе, внуке Парсмана I, царствовавшего около времени завоевания римлянами Иудеи, встречается в некоторых грузинских источниках: в «Хронике обращения Грузии» и у Леонтия Мравели, историка XI в. Таким образом, эта надпись может быть поставлена в связь с древними литературными памятниками Грузии и освещена при их посредстве.

В ИГАИМК, вып. 70, 1933, 1—36, в статье «Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре», С. А. Жебелев предлагает объяснение многих мест херсонесского постановления в честь Диофанта, полководца царя Мифрадата Евпатора (последнее десятилетие II в. до н. э.). Здесь особенное внимание обращает на себя новый взгляд С. А. Жебелева на рассказ о восстании Савмака, *φραπτός* боспорского царя Перисада II. Автор убедительно доказывает, что это был не дворцовый переворот и не результат партийной вражды между городом и сельским населением, как думали многие ученые, объяснявшие эту надпись, а результат долго таившихся классовых противоречий, классовый вражда рабов к их владельцам-угнетателям.

В ИГАИМК, вып. 71, 1933, помещена работа Н. В. Маллицкого — «Заметки по эпиграфике Мангупа». Это очень обстоятельный и полный обзор мангупских надписей. Автор сличил эти надписи с оригиналами и дал много поправок и ценных замечаний к их прежним изданиям. Изданные Н. В. Маллицким надписи имеют большое значение, как источник для истории Мангупа (Феодоро).

В ИГАИМК, вып. 104, 1935 (1934), 57—89, Ю. Ю. Марти напечатал статью — «Новые эпиграфические памятники Боспора». Здесь изданы 23 надписи, найденные в 1922—1929 гг. в Керчи и ее окрестностях, в Тамани и Китэе. Это — посвячительные надписи Аполлону-Врачу и Аполлону Дельфинию, китэйская надпись, votивный рельеф из Нимфея с изображением Кибелы, акт об отпущении на волю раба Эльпия и восемнадцать надгробных надписей от IV в. до н. э. до II в. н. э. К большинству надписей приложены снимки находящихся на них барельефов. Особенно интересны снимки с двух- и трехъярусных барельефов, находящихся на некоторых памятниках. Среди имен, встречающихся в надгробных стелах, попадаются имена еще неизвестные в боспорской ономотологии и несколько имен сарматских. Эти последние особенно ценны потому, что они увеличивают бедный лексический материал сарматского языка.

Ю. Ю. Марти присоединяет к издаваемым им надписям и комментарий, выясняя черты быта и социальных отношений, поскольку они отражаются в данных памятниках.

¹ Эта надпись была найдена в 1867 г. Впервые она издана Бартоломеем — Две классические надписи, найденные в Закавказском крае в 1863 и 1867 гг. Тифлис, 1867 Библиографию об этой надписи см. у В. В. Латышева в а, ИАК, вып. 10, 1904, стр. 101 сл.

² Нумерация ИГАИМК после XIV тома переведена на выпуски, без томов, с учетом всех выпущенных до этого времени изданий и начинается 60-м выпуском.

В том же выпуске 104 ИГАИМК, стр. 202—210, помещена интересная статья Б. Н. Гракова—«Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикапее». Здесь автор рассматривает формулы клейм этого завода и типичные черты их алфавита. На основании этих данных он разделяет клейма на три хронологические группы. Далее Б. Н. Граков ставит и разрешает вопрос о причинах, побудивших боспорских царей взять в свои руки производство черепицы, об управлении царских мастерских и о том, кто являлся рабочей силой на этих заводах.

Факсимиле и каталог клейм, бывших в употреблении на черепичных заводах Боспора, приложены к помещенной в том же выпуске ИГАИМК (стр. 211—315) статье В. Ф. Гайдукевича—«Строительные керамические материалы Боспора». В этой статье мы находим много ценных указаний по вопросам о технике производства боспорских черепиц и об их хронологической датировке. Каталог клейм (стр. 298—315) составлен В. Ф. Гайдукевичем на основании материала, собранного в Керченском музее до 1933 г. включительно.

Наконец, следует указать список клейм на амфорных обломках, найденных в Елисаветинском городище в 1928 г. Этот список помещен в качестве приложения на стр. 199—201 к статье Т. Н. Книпович—«Опыт характеристики городища у станицы Елисаветинской по находкам экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г.» (ИГАИМК, вып. 104, стр. 111—201).

Статьи по античной эпиграфике печатались в «Трудах Отделения (Секции) археологии РАНИОН».

В I томе (1926) «Трудов Отделения археологии РАНИОН», стр. 39—46, помещена статья Н. И. Новосадского—«Две керамические надписи, найденные на юге России». Эта статья напечатана по поводу издания проф. Э. В. Дилем двух надписей, из которых одна была найдена в 1873 г. при раскопках, производившихся В. Г. Тизенгаузеном в Ольвии, другая—в 1883 г. во время раскопок в Керчи¹. Э. В. Диль считает обе эти надписи заклетьями. Соглашаясь по этому вопросу относительно ольвийской надписи, Н. И. Новосадский доказывает, что керченская надпись—не заклетье, а реминисценция из какой-то не дошедшей до нас комедии.

Во II томе «Трудов Секции археологии РАНИОН» (1928, стр. 88—99). Н. И. Новосадский в статье «Неизданные македонские надписи» поместил с приложением факсимиле двенадцать неопубликованных раньше надгробных македонских надписей. Эти надписи вносят новый материал в историю Македонии II—IV вв. н. э. Они значительно освещают государственный строй Македонии этого времени. Тут выступает целый ряд магистратов, не засвидетельствованных в других источниках для Македонии, а некоторые надписи проливают свет на социальный строй и монетную систему Македонии и обрисовывают положение женщины в этой провинции. В некоторых надписях замечаются следы матриархата в Македонии.

В III томе «Трудов Секции археологии РАНИОН» (1928, стр. 55—70) помещена статья Н. И. Новосадского—«Боспорские фиасы». В этой статье Н. И. Новосадский отмечает влияние христианства на символику и терминологию боспорских фиасов, полемизируя против тех ученых, которые видят в этих фиасах заимствование из культа Сабазия. Кроме того, автор рассматривает организацию фиасов, обязанности должностных лиц фиаса и взаимные обязательства фиасотов.

В «Сообщениях ГАИМК», II, 1929, стр. 330—333, помещена статья А. С. Коцева—«Заметки к надписям греческих колоний Черноморья», в которой дается ряд остроумных критических замечаний к надписям IPE, I², 519, 14 сл.; IV, 256, 6; IPE, IV, 342, 11 сл.; IPE, I², 357, 3 сл.; ЗОО, т. XXVIII, прилож. 50, и IPE, I², 25, 3 сл.

Много статей, относящихся к области античной эпиграфики, было помещено в «Известиях» и «Докладах» Академии наук СССР. Особенно часто можно встретить

¹ E. D i e h l—Defixionum ostraca duo (Acta Universitatis Latviensis, VI, 1923, 225—230).

здесь статьи акад. С. А. Жебелева, который очень отзывчиво откликается на текущие запросы античной эпиграфики.

В ИАН, 1918, стр. 293—310, акад. А. В. Никитский (ум. в 1921 г.) издал статью «Об эпидаврийской надписи IG, IV, 1511». В этой статье находим целый ряд поправок к изданию немецкого ученого М. Френкеля, основанных на непосредственном изучении данного памятника. Кроме того, А. В. Никитский расходится с Френкелем и в общем понимании этой надписи. Френкель полагал, что это обломок какого-то тарифа, вроде тарифа Диоклетиана о твердых ценах. По мнению Никитского, эпидаврийский фрагмент представляет часть жреческого календаря, из типа тех календарей, в которых указывалось, какие жертвы и в какие дни должно приносить тому или другому божеству.

В ИАН, 1929, стр. 427—435, в статье «Милет и Ольвия» С. А. Жебелев рассматривает надпись, найденную в 1903 г. при раскопках в Милете¹. Эта надпись, содержащая договор между Ольвией и Милетом об исполении их граждан, значительно заполняет пробел в наших сведениях о взаимоотношениях Ольвии и ее метрополии Милета. С. А. Жебелев вполне основательно указывает на то, что при объяснении мотивов, вызвавших этот договор, следует обратить внимание на некоторые факты из истории Александра Македонского, в особенности на осаду Ольвии его полководцем Запирионом.

В ИАН, 1930, стр. 251—264, С. А. Жебелев напечатал статью—«Фрагмент элевсинской надписи». Автор предлагает здесь более полное восстановление этой надписи, чем то, какое имеется в первом ее издании (К. Курапиотис—'Ελληνικά, II, 1929, 5—10). С. А. Жебелев сопоставляет этот фрагмент с рассказом Фукидида, II, 14, 1 о тех сторожевых постах, какие были поставлены афинским правительством на границе с Елевсином летом 431 г. до н. э. В словах Фукидида автор находит путь к объяснению элевсинского фрагмента, который является, в свою очередь, как бы «документальным комментарием» к тексту этого историка. В ИАН, 1931, 321—345, С. А. Жебелев в статье «Эпидаврийская ареталогия» дает перевод эпидаврийских надписей об исцелении больных в святилище Асклепия в Эпидавре,—этого своеобразного памятника греческой письменности, в котором, как справедливо замечает автор, и этнологи и фольклористы найдут кое-что ценное для себя. Перевод сделан по изданию (IG, vol. IV, ed minor. Inscr. Argolidis, fasc. 1). После перевода автор рассматривает вопрос об источниках этого памятника, о времени, к которому он относится, и о целях его публикации. Относительно времени публикации «Эпидаврийской ареталогии» С. А. Жебелев, не соглашаясь с мнением немецкого ученого Гиллер фон-Гертрингена, который относил эти надписи к IV в. до н. э., считает, что их следует относить к III в. до н. э. В заключение автор говорит: «Эпидаврийская ареталогия представляет памятник настолько значительный, что его следовало бы подвергнуть внимательному анализу и с точки зрения его литературного оформления»². С этим можно вполне согласиться.

К статье С. А. Жебелева «Эпидаврийская ареталогия» тесно примыкает по содержанию его «Эпидаврийская терапевтика» (ИАН, 1933, 61—96). Здесь С. А. Жебелев дает перевод эпидаврийской надписи середины II в. н. э., в которой указываются те средства, какими эпидаврийские жрецы лечили карийца Марка Юлия Апелла, страдавшего, по видимому, туберкулезом легких. К этой надписи автор присоединяет перевод двух аналогичных надписей I—II вв. н. э., найденных при итальянских раскопках в Крит-

¹ Эта надпись была впервые издана А. Рехмом—Milet III. Das Delphinion in Milet. Berlin, 1914, 289 (165), № 136. См. также С. С. Дложевский, «Вістік Одеської комісії краєзнавства при Всеукраїнській Академії наук», I (1924), 13.

² Вопросы о характере литературного стиля эпидаврийских надписей касался И. И. Толстой в статье «Язык сказки в греческой литературе». «Художественный фольклор», вып. IV—V. Москва, 1929, стр. 86 сл.

ской Лебене, и одной римской надписи конца II—начала III в. н. э. С. А. Жебелев рассматривает упоминаемые в этих надписях средства лечения с точки зрения античной медицины, а относительно применения их в современной медицине он обращался за указаниями к врачу И. М. Голенищеву. Оказалось, что средства, применявшиеся в Эпидавре, были вполне применимы в аналогичных случаях в древней медицине и отчасти применимы в медицине современной. Отсюда С. А. Жебелев делает вывод, что в практике эпидаврийского лечения было два элемента: «обрядово-религиозный и собственно врачебный». В заключение С. А. Жебелев указывает, что инкубационное лечение в храмах было распространено в средние века в Западной Европе, что следы его замечаются и в древней Руси, а в некоторых местах Греции, Передней Азии и на островах Архипелага оно сохранялось «вплоть до современности».

В ИАН, 1935, стр. 913—939, С. А. Жебелев в статье «Херсонесская присяга» представил точный перевод этого важного эпиграфического памятника и присоединил к нему комментарий, в котором высказано много интересных мыслей. С. А. Жебелев доказывает, что «херсонесская присяга» является не обычной присягой граждан, достигших совершеннолетия, как полагал В. В. Латышев, а составлена по особым обстоятельствам, вследствие происшедшей незадолго до этого времени неудавшейся попытки низвергнуть в Херсонесе демократический строй. Автор особенно подробно останавливается на мотивах, вызвавших запрещение вывозить и продавать хлеб, «свозимый с равнины», в каком-либо ином месте, кроме Херсонеса, и на объяснении значения слова *σαστήρ*. Требование вывозить и продавать хлеб с равнины только в Херсонесе имело целью, по мнению С. А. Жебелева, упорядочить хлебное дело и сосредоточить вывоз хлеба в руках государства. Это—явно выраженная монополистическая тенденция. Что касается слова *σαστήρ*, то автор сопоставляет его с авестским словом *sastar* (повелитель, владыка, царь) и видит в нем «огреченное обозначение того кумира, который служил внешним олицетворением божества тавров».

Перейдем к «Докладам Академии наук СССР (ДАН-В) в ДАН-В 1927, 216—218, С. Я. Лурье поместил на немецком языке статью—«По поводу новонайденного локрийского закона» («Zum neugefundenen lokrischen Gesetz»). Этот закон¹, относящийся, как доказал У. Вильямовиц-Меллендорф, к первой половине V в. до н. э., касается раздела земли на определенно указанных участках. С. Я. Лурье, не соглашаясь в некоторых местах со взглядами предшествующих издателей, предлагает новые его объяснения.

В ДАН-В, 1928, 124—127, Р. Л. Эрлих в статье—«Ольвийская надпись IPE, I², 176»—убедительно доказывает, что встречающееся в этой надписи слово *προσευχή*, вопреки мнению В. В. Латышева, постоянно употреблялось как *terminus technicus* для обозначения еврейской молельни².

В ДАН-В, 1928, 150—156, напечатана статья А. С. Кочевалова «Κόσμος и κόσμος в критских диалектических надписях», содержащая интересные заметки об употреблении и значении этих терминов.

В ДАН-В, 1928, 233—236, помещена статья А. Доватура «Киренская клятва основателей». В этой статье автор трактует о надписи, изданной впервые Silvio Ferri в АРАW, 1925, № 5, Berlin 1926. Он доказывает, что образец, с которого списан этот памятник (его привезли в Кирену ферские послы), был заимствован, по всей вероятности, из какого-то ферского исторического труда. Текст киренской надписи, по мнению А. Доватура, не является воспроизведением декрета VII в., за каковой он себя выдает, а составлен местными историками.

¹ Эта надпись была впервые издана греческим ученым N. G. P a r a d a k i—Λοκρικός Θεσμός, «Арх. Ἐφημ.» 1924 (1926). Подробное объяснение этой надписи дал Вильямовиц-Меллендорф (SPAW, 1927, 7—17).

² Эта статья вошла в состав юбилейного сборника в честь И.И.Толстого «Ἐσπέρης». Л., 1928, 55—58.

Киренскую надпись по изданию G. Oliverio (RF, N. S., VI, 1928, 183 sq), также разбирает С. А. Жебелев в ДАН-В, 1929, 77—84. В статье «Киренская конституция» он дает перевод этой надписи и освещает этот памятник событиями из истории Кирены со времени смерти Александра Македонского до вступления на царство Птолемея III, когда Кирена вошла в состав Египта.

В статье «Пэан Исилла, ст. 57—61» (ДАН-В, 1929, 193—200) С. А. Жебелев ставит своей целью разрешить спорный вопрос о хронологии этого памятника. Автор доказывает, что данная надпись относится ко времени правления македонского царя Филиппа V (III в. до н. э.).

В ДАН-В, 1929, 201—208, С. А. Жебелев поместил статью «Царь Кодр», по поводу издания афинского декрета 418/7 г. до н. э. о сдаче в аренду священного участка Нелея и Басилы и о возведении ограды вокруг находившегося в черте этого участка святилища Кодра, Нелея и Басилы¹. Здесь автор проследил различные версии мифа о Кодре.

В статье «Плодородие Кирены» (ДАН-В, 1929, 97—102) С. А. Жебелев вполне основательно высказывает свое несогласие с издателями и комментаторами Киренской надписи, которые считали, что Кирена дала в дар различным городам то громадное количество хлеба, какое отмечается в этой надписи. Автор полагает, что Кирена не подарила, а продала этот хлеб, но, ввиду его избытка в стране, по нормальной стоимости. Следует отметить и то, что в этой статье С. А. Жебелев устанавливает точно начальный terminum надписи, а именно 331/10 г. до н. э., когда Клеопатра начала управлять Эпиром.

В ДАН-В, 1930, 59—65, С. А. Жебелев напечатал статью—«Афинская колония на Адриатике», в которой он рассматривает вопрос о том, где находилась отправленная афинянами в 325/4 г. до н. э. колония с Мильтиадом во главе. Поводом к этой статье послужило переиздание немецким ученым Кирхнером декрета об основании этой колонии². С. А. Жебелев полагает, что афинская колония 325/4 г. была основана на иллирийском, а не на итальянском побережье Адриатического моря, как думал У. Келер.

В ДАН-В, 1930, 324—327, Н. И. Новосадский опубликовал неизданную надпись Темрюкского музея. Эта надпись содержит акт об отпущении на волю воспитанника гражданки Гликாரии Филодеспота под обычной формой посвящения его божеству. Надпись датирована первым днем месяца Апеллэя, 402 г. Вифино-боспорской эры (28 октября 103 г. н. э.). Гликாரия отпускает своего воспитанника с согласия своих наследников—четырех сыновей. Надписей об освобождении рабов в древнегреческих колониях северного побережья Черного моря найдено очень мало. До настоящего времени издано всего только 11 таких актов, включая сюда и надпись об освобождении Филодеспота, притом все они происходят только из Боспорского царства, из Пантикапеи, Горгииппии и их окрестностей. Надписи об освобождении рабов из Херсонеса, Ольвии и Феодосии или какой-либо другой греческой колонии пока мы не имеем ни одной. Повидимому, там сильнее укоренились рабовладельческие тенденции, чем на Боспоре.

В ДАН-В, 1930, 489—499, находим статью С. А. Жебелева—«Новые этолийские документы». При совместных раскопках греков и датчан в Калидоне была открыта изданная в 1927 г. надпись об исополитии этолийцев и жителей фессалийского города Трикки³. С. А. Жебелев рассматривает в своей статье эту надпись, дает ее перевод,

¹ Эта надпись издана в IG, I², 94 и у Диттенбергера, Syll.³, 93.

² Эта надпись была впервые издана А. Бёком в «Urkunden über das Seewesen des attischen Staates», 457 ff. Add., p. XV. Затем она была издана У. Кёлером в IG, II, 809. Последнее издание Кирхнера в IG, II², 1629 и Диттенбергера, Syll.³, 305.

³ Fr. Poulsen und K. Rhomaios—Erster vorläufiger Bericht über die dänisch-griechische Ausgrabungen von Kalydon. Det Danske Videnskabskabernes Selskabs. Hist.-filol. Meddelelser., XIV, 3, 1927, 43.

комментирует и определяет время этого памятника (приблизительно 228—206 гг. до н. э.). Сюда же он присоединяет другую надпись, найденную при греческих раскопках в Ферме¹. Эти памятники, при сопоставлении с некоторыми замечаниями Полибия в IV и V книгах его истории, проливают свет на политику этолийцев перед началом союзнической войны и являются ценным материалом для истории Этолийского союза.

Статьи по античной эпиграфике помещались и в других изданиях. Так, в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии», за 1917 г., № 54, стр. 65—72, была напечатана статья С. А. Жебелева—«Εἰς Βορυσθῆνην εἰσπλεῖν» (к IPE, I², 24). По мнению С. А. Жебелева, под Борисфеном следует понимать здесь Буго-Днепровский лиман, при впадении в который Буга лежала Ольвия. Этот лиман древние греки не могли считать за Евксинский Понт и перенесли на него название той большой реки, которая в него впадает.

В «Известиях Таврического общества истории, археологии и этнографии» за 1927 г. т. I (58)² были помещены две статьи, относящиеся к области эпиграфики: статья Ю. Ю. Марти «Стихотворная эпитафия амастрийца Илиодора»³ и В. Ф. Шт и ф т а р а—«Неизданные штемпеля на ручках греческих амфор, найденных в Евпатории». На некоторых евпаторийских штемпелях встречаются новые имена астиномов и новые эмблемы. Эти надписи проливают свет на торговые сношения Евпатории-Керкинитиды с другими греческими колониями северного побережья Черного моря и греческими островами.

В «Записках Северо-кавказского общества археологии, истории и этнографии», 1928, Ростов н/Д., кн. I (т. III), вып. 3—4, стр. 4—7, помещены статьи проф. А. Ф. Семенова—«Этнографические мелочи из Недвиговского городища» и проф. П. Н. Черняева (ум. в 1931 г.)—«К вопросу о чтении фрагмента Танаидской надписи, хранящейся в Северо-кавказском обществе археологии, истории и этнографии». В первой статье А. Ф. Семенов издал в факсимиле три обломка пентеликонского мрамора, найденные вблизи Недвиговки. Два из них, судя по форме букв, автор относит ко II или к началу III в. н. э., а третий—к IV в. н. э. Древнейшие из них представляют, по мнению автора, обломки постановления города в честь двух персов, имена которых А. Ф. Семенов восстанавливает на основании сохранившихся букв «Кегдадат» и «Ахэмен», но допускает возможность, что здесь идет речь только об одном Кегдадате из рода Ахэмена. Что касается третьего фрагмента, состоящего всего только из 12 букв, расположенных в четырех строках, то «более или менее вероятное» дополнение его предложил П. Н. Черняев на основании формул известных нам Танаидских надписей. П. Н. Черняев считает этот фрагмент обломком постановления города в благодарность тем гражданам (имена их не сохранились), которые восстановили за свой счет пришедшие в упадок ворота города (Танаиса).

В том же журнале за 1929 г. (кн. I, т. III), вып. 5—6, стр. 47—48, А. Ф. Семенов напечатал заметку «По поводу греческой надписи на ручке ковша (?), найденного при раскопках Мелиховского кургана»⁴. А. Ф. Семенов полагает, что находящаяся здесь надпись—шуточная надпись⁵. «Какой-то Диадумен, по прозванию Хрис, покидая свою должность (он был, вероятно, поваром), упомянутую кастрюлю оставил в наследие своим «младшим», т. е. бывшим, помощникам и снабдил ее собственным посвящением, которому в шутку придал форму обычных посвячительных надписей

¹ Sotiriadis, 'Αρχ. Δελτίον, I, 1915, 45, № 18.

² Этот журнал является продолжением «Известий Таврической ученой архивной комиссии» после семилетнего перерыва.

³ Надпись в честь Илиодора была переиздана Ю. Ю. Марти в ИГАИМК, вып. 104, 1935 (1934), стр. 78, № XIII. Там помещен снимок с этой надгробной стелы.

⁴ Относительно обстоятельств находки этой надписи и о ней самой см. Б. В. Лунин—«Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г.», «Краеведение на Северном Кавказе», Ростов н/Д, 1928, № 1/2.

⁵ Надпись приводится у А. Ф. Семенова *maiusculis*, без транскрипции.

в честь божества». А. Ф. Семенов переиздал эту надпись в PhW, 1930, 1006, где он, предлагая, между прочим, транскрипцию Χρυσῶ (как родит. падеж), дает такой перевод: «Diadumenos, der Sohn des Chrysos, hat den Nachfolgern gestiftet, als der Hausverwalter Theophilus war». Нескольким иначе объясняет эту надпись А. Ф. Коцевалов¹. Он полагает, что слово νεώτεροι обозначает здесь союз молодых людей, которому Диадумен подарил этот ковш, и что эта надпись не имеет шуточного характера².

Издания надписей и критические заметки к эпиграфическим памятникам находим также в юбилейных сборниках, издававшихся в течение 1917—1937 гг. в честь русских ученых.

В сборнике в честь проф. В. К. Мальмберга, Москва, 1917, стр. 125—133, помещена статья Н. И. Новосадского—«Амулет с именем 'Αχιῶφι». Этот амулет был приобретен в Сегестане московским коллекционером М. С. Шекиным в 1906 г. По словам продавца, он был найден среди развалин города Шахри-Байран, на правом берегу реки Гильменда, в Афганистане. Это тщательно отшлифованная круглая яшма, размером около 2 см в диаметре. На лицевой стороне ее вырезан вглубь крылатый мальчик с натянутым луком в руке. Внизу подпись 'Αχιῶφι. На оборотной стороне находится надпись. Ее буквы так малы (около миллиметра высоты) и так красивы, что нельзя не удивляться искусству резчика. Этот амулет, назначением которого было ограждать носившего его от всякого зла, относится к концу III или началу IV века н. э. Это было время особенно сильного распространения суеверий и различной магической литературы в греко-римском мире.

В сборнике в честь С. А. Жебелева (Л. 1926)³ помещены следующие статьи по античной эпиграфике:

Н. И. Новосадский—«Несколько заметок к надписям, помещенным во втором издании IPE, I. Petrop., 1916». Здесь даются новые чтения к надписям IPE, I², 76 и 186, и предлагаются объяснения некоторых мест в IPE, I², 401 и 429⁴.

И. И. Толстой—«Ареталогический трафарет в чудесах Асклепия и Артемия». Автор указывает, что сходство в рассказах о чудесах Артемия (P a r a d o r i l o s—Kerameus, Varia graeca sacra) и чудесах Асклепия в Эпидавре замечается не только в общих мотивах, но и в общих формулах.

М. Тиханова-Клименко—«Греческая надпись с Таманского полуострова. IPE, I², 389». Тиханова-Клименко доказывает, что надпись IPE, 389, не может считаться списком членов греческой языческой общины, как полагал В. В. Латышев. Это памятник христианский⁵.

В сборнике в честь Д. И. Багаля, Киев, 1927, С. С. Дложевский (ум. в 1929 г.) издал неопубликованную раньше надпись, найденную в Ольвии во время раскопок в 1924 г.⁶ Это декрет о даровании проксении и права свободного въезда в Ольвию и выезда из нее и в мирное и в военное время заслуженному воину (evocato) Агафоклу и его потомкам. Декрет относится ко времени Септимия Севера (193—211). Чествуемый здесь Агафокл, по мнению автора, был уроженец Фракии или Южной Мэзии.

В сборнике в честь И. И. Толстого «*Ἀσπασμίδες*» (Л., 1928, 55—58) помещена уже указанная выше статья Р. Л. Эрлиха—«Ольвийская надпись IPE, I², 175».

¹ А. Cocevalow—Zur Deutung der neuerlich herausgegebenen Inschrift aus dem Dongebiet (PhW, 1932, № 3, 93 f.).

² Самое простое чтение χρυσῶταις νεώτεροις, т. е. младшим позолотчикам. См. С. А. Жебелев—Основные линии экономического развития Боспорского государства (ИАН, 1934, 677, прим. 2).

³ Этот сборник отлитографирован, к сожалению, только в четырех экземплярах, один из которых находится во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве.

⁴ Ср. SEG, III, 1929, 587, 588, 602.

⁵ Ср. SEG, III, 1929, 609.

⁶ Юбилейний збірник на пошану акад. Д. И. Багалія. У Києві, 1927, 310—315.

Не оставлена без внимания нашими эпиграфистами и внешняя сторона надписей,— их язык. Такого рода работы имеют важное значение, так как для того, чтобы делать правильные выводы из надписей, нужно правильно их понимать, нужно знать все особенности их языка. К этой области относится исследование А. С. Коцевалова «Синтаксис греческих надписей северного побережья Черного моря»¹. Это исследование написано на латинском языке. Здесь автор собрал и систематически разработал громадный материал, извлеченный им с исчерпывающей полнотой из греческих эпиграфических памятников юга СССР, опубликованных до 1935 г. Кроме надписей на каменных плитах, А. С. Коцевалов рассмотрел надписи на керамических изделиях и на табличках античных заклятий. В это исследование не включен только материал из надписей поддельных и сомнительных, а также из надписей, хотя и найденных на территории древнегреческих колоний на юге СССР, но составленных в других местах (например, IPE, I², 4, 32—45, IPE, I², 77—79 и др.), и надписей на ручках родосских, фазосских и других сосудов. Исследование А. С. Коцевалова, потребовавшее долгого и усидчивого труда, не уступает по своим достоинствам таким работам, как K. M e i s t e r h a n s — «Grammatik der attischen Inschriften», 3-e Aufl. besorgt von S c h w y z e r. Berlin, 1900.

Очень ценно также исследование А. С. Коцевалова по синтаксису критских надписей, написанное также на латинском языке².

Мы проследили работу, которая была исполнена нашими учеными в области античной эпиграфики за двадцать лет, от 1917 до 1937 г. Главной основой для нее послужили древнегреческие надписи, находимые на юге СССР в течение этого времени или уже найденные раньше 1917 г. Эти надписи, издаваемые с переводом и комментариями в различных периодических научных изданиях, рассматривались не как отдельные, сами себе довлеющие памятники древности, а в тесной связи с теми явлениями жизни, которые в них отразились, в связи с ходом и развитием политических, экономических и социальных явлений, в связи с классовыми противоречиями. Особенно много по объяснению уже изданных надписей сделал акад. С. А. Жебелев. Он нередко находит в них новые факты, новые черты, не замеченные другими учеными. После его пересмотра давно уже изданная надпись часто является перед нами как бы впервые. Этот пересмотр служит прекрасной подготовкой к строго-научной истории древних греческих поселений Причерноморья.

Но работа наших эпиграфистов не ограничивалась изданием и исследованием надписей только северного побережья Черного моря. Они внимательно следили за новыми эпиграфическими находками и изданиями в Западной Европе. Новонайденный локрийский закон, новонайденная киренская клятва основателей, новое издание надписей Эпидавра и многие другие эпиграфические памятники были пересмотрены нашими учеными и получили в их работах или исправление неправильно прочитанного текста или новое объяснение содержания.

Необходимо отметить еще одну новую черту в нашей работе по античной эпиграфике: привлечение к исследованию материала, на который раньше не обращали, можно сказать, никакого внимания,— надписей на ручках и горлышках античных сосудов, а также на кирпичах и черепице. Этот материал или совершенно не брали из раскопок и не описывали его, или сваливали в музеях, где он лежал без всякой обработки. Теперь изучением этого материала занимается Б. Н. Граков. В своих исследованиях он показывает, какое важное значение имеют керамические надписи и штемпеля, как источник для выяснения торговых связей, производства и даже социальных отношений в древнегреческих колониях юга СССР.

¹ А. С о с е в а л о в — Syntaxis inscriptionum antiquarum coloniarum graecarum orae septentrionalis Ponti Euxini. Leopoli, 1935. «Eos» suppl., vol. 12.

² А. С о с е в а л о в — De articuli in inscriptionibus cretensibus usu syntactico. Leopoli, 1935. Seorsum impressum ex comm. philol. «Eos», 1934 et 1935.

Теоретические курсы и семинары по античной эпиграфике велись в Московском университете в 1920—1926 гг. проф. Н. И. Новосадским. Из этих семинариев вышли новые кадры, новые работники. Некоторые из них уже получили известность в области античной эпиграфики и античной археологии (Б. Н. Граков, В. Д. Блаватский, Л. П. Харко и др.).

Применение новых методов к изучению и объяснению античных надписей, привлечение к делу нового материала (керамические надписи) и целый ряд статей, в которых издавались новые надписи и нередко исправлялись ошибки как русских, так и западно-европейских ученых и проводились новые взгляды по поводу уже изданных надписей,— все это указывает, на какой высоте стояла в СССР античная эпиграфика в 1917—1937 гг. Сделано много, но много еще остается сделать. Необходимо дальнейший пересмотр уже изданных надписей юга СССР, как важного источника для истории той жизни, которая здесь протекала. Необходимо глубже раскрыть экономические и социальные отношения в античных греческих колониях Причерноморья. Необходимо также подвергнуть новому рассмотрению оноματοлогию античных надписей, в которой можно найти много ценных этнологических указаний. Но это последнее, конечно,—дело более наших языковедов, чем эпиграфистов.

Проф. Н. Новосадский

В. С. СЕРГЕЕВ—Очерки по истории древнего Рима. Части 1 и 2.
Социально-экономическое издательство, М., 1938.

Книга В. С. Сергеева представляет значительное явление в нашей исторической литературе. Впервые широкие круги не только учащихся и преподавателей, но и вообще советской интеллигенции получают законченное изложение в с е й римской истории, поданной не в виде сухого, педантичного изложения фактов или мертвой социологической схемы, а в виде интересно, живо и образно написанной книги. Обилие незатасканных рисунков (более 200), технически хорошо выполненных, представляющих самостоятельный познавательный интерес, также способствует оживлению книги. Автор правильно поступил, включив в свое изложение множество цитат из первоисточников, в том числе надписей, недоступных в оригинале большинству читателей книги. Эти цитаты не только обогащают читателя знанием материала, но придают книге живой колорит, как бы перенося читателя в эпоху, о которой повествует автор.

Книга состоит из двух частей; в первой излагается история республики до принцепата Августа, во второй—история империи до падения Западной Римской империи. Обе части не равноценны. Первая дает сжатый очерк, не выходящий за пределы обычного университетского курса. Вторая часть, большая по объему, носит исследовательский характер. Она ставит ряд вопросов, не получивших еще разрешения в исторической науке, и привлекает к решению их значительный материал источников. Читатель не посетует за предпочтение, которое автор отдает истории империи, так как именно империя менее всего освещена в литературе, и эта именно часть разработана автором основательно.

В первой части В. С. Сергеев, повидимому, поставил себе задачей дать лишь сжатую сводку наших знаний по истории Римской республики. Он поэтому, например, не ставит здесь и не пытается разрешить проблему исторической ценности предания, а лишь излагает его. Он также только отмечает три вопроса, из которых «состоит этрусская проблема», не пытаясь указать путь, по которому должно пойти решение этих вопросов. Между тем, как раз на этих вопросах немало изощряется фашистская историография, и читатель вправе ожидать, что в книге В. С. Сергеева он найдет опровержение фашистских измышлений.